

которые являются крайне необходимыми не только в работе устного и письменного переводчика, но также способствуют расширению кругозора любого человека (**лингвострановедческая функция**).

Не менее важен ряд психологических функций Посткроссинга, наиболее значимой среди которых является, можно считать, **контакто-устанавливающая функция**. Она заключается в преодолении психологического барьера, который может возникнуть во время необходимости установления контакта с незнакомым человеком.

Под **апеллятивной функцией** проекта подразумевается воздействие на реципиента и побуждение его к поддержанию коммуникации.

Необходимость следования основным нормам поведения способствует развитию у участников навыков этикета, в том числе и речевого. Таким образом, Посткроссинг выполняет и **воспитательную функцию**.

Таким образом, Посткроссинг как средство межкультурной коммуникации положительно отражается на уровне знания иностранного языка у его участников, расширяет их кругозор, формирует толерантное отношение к представителям других национальностей, культур и религий, способствует приобретению навыков речевого этикета и позволяет изучать язык в естественной среде.

Библиографические ссылки

1. Countries in Postcrossing : сайт. Mode of access: <https://www.postcrossing.com/explore/countries> (date of access: 11.11.2018).

ИНВЕКТИВНЫЕ ТАКТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Д. В. Дайнеко

Научный руководитель О. И. Уланович, кандидат психологических наук, доцент

*Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь*

В последнее десятилетие проблема декодификации общения и проникновение речевых форм, ранее характерных исключительно для социальных низов, не только в повседневный диалог, но и в различные формы массовой коммуникации приобретает мировой размах. Так называемая «свобода от» заметно модифицировала словесность институционального общения: «То, что раньше считалось принадлежностью социально непрестижной среды (преступной, мафиозной, просто малокультурной), начинает приобретать «право гражданства» наряду с тра-

диционными средствами литературного языка» [4, с. 64]. В этом и парадокс, что не литературный язык, «нормированный, кодифицированный, идущий от классиков и закреплённый в словарях, разворачивается и популяризируется в разговорной речи, а, напротив, из просторечья и жаргона просачивается лексика и грамматика в общеупотребительное повседневное общение» [6, с. 130], и не только в повседневное, но и в общение самого высокого уровня институциональности – в официальное общение политических лидеров и глав стран. Все это непосредственно и привело к проникновению инвективы в политическую коммуникацию.

Инвектива – это не просто слово, фраза, высказывание. В широком понимании, это форма речевого поведения. Суть данного культурного феномена заключается в том, чтобы принизить социальный статус адресата, а также спровоцировать его на определенные действия.

Инвектива – это оскорбительная речь, характеризующаяся обязательным наличием следующих составляющих: 1) оценки с негативным либо отрицательным оттенком; 2) желания понизить самооценку лица, 3) провокации на определенные действия адресата, 4) объекта оскорбления.

Инвективная стратегия в политической коммуникации реализуется в комплексе инвективных тактик.

О. С. Иссерс определяет стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [2, с. 56].

Затронутая нами тема инвективной стратегии остается по сей день в современной лингвопрагматике настолько диффузной, неразработанной, неизученной, что ни одним из ученых в данной области не предлагается хоть сколь-либо стройная и последовательная теория инструментария реализации инвективной коммуникативной стратегии. Это побудило нас через изучение значительного объема фактического материала (выступлений и высказываний политиков) и его прагмалингвистический анализ осуществить самостоятельное выделение речевых тактик в рамках инвективной коммуникативной стратегии. Наше исследование позволяет утверждать, что инвективная коммуникативная стратегия в политической коммуникации реализуется через комплекс инвективных речевых тактик. Комплекс дифференцируемых нами инвективных тактик включает: 1) тактику издевки; 2) тактику инкриминирования; 3) тактику критики; 4) тактику иронии; 5) тактику прямой инвективы / откровенного хамства.

Тактика издевки. Издевка – «злая оскорбительная насмешка, обидная шутка, издевательство» [5]. Возможность выражения пренебрежения (или даже презрения) посредством осмеяния основывается на редуцирующей функции смеха: высмеивание умаляет значимость, делает важное ничтожным, страшное безобидным, содержательное бессмысленным [1, с. 204]. Осмеяние по своей природе и сути есть конфликтное речевое действие, в нем изначально заложено противоречие интересов говорящего и слушающего. Высмеивание уязвляет, повергает в состояние душевного дискомфорта. В издевке присутствует личностное уничижение, нападки на внешность, возраст, манеру говорить, двигаться, одеваться, на умственные способности и т.д. Наглядным примером тактики издевки может служить ликоущемляющее высказывание Франсуа Миттерана в адрес Маргарет Тэтчер: *“She has the mouth of Marilyn Monroe and the eyes of Caligula”*.

Тактика инкриминирования. Инкриминирование – это обвинение лица в деяниях или же в бездействии, приписывание вины за неграмотные, бездарные или даже преступные решения или действия в контексте профессиональных или должностных обязанностей и полномочий. Например, в высказывании Маргарет Тэтчер в отношении деятельности премьер-министра Великобритании Джеймса Каллагана прослеживается именно обвинение в политически неграмотном руководстве: *“He presided over debt, drift and decay”*.

Тактика критики. Критика – выражение своего недовольства тем, что сделано другим лицом, либо же указание на допущенные оплошности. Важно заметить, что обвинение также является одной из форм критики, ведь именно через обвинение (либо инвективу) говорящий демонстрирует свое недовольство адресатом и его проступкам. Недовольство – эмоциональное выражение критики, сопровождаемое негативными эмоциями. Претензия – это критика с выражением требования. Возражения также относятся к категории критики [3]. Критика четка прослеживается в выступлении Дэвида Кэмерона, адресованная бывшему премьер-министру Великобритании Тони Блэру: *“He was the future once”*.

Тактика иронии. Ирония – это и форма межсубъектной коммуникации, и способ восприятия бытия; это особый эстетический способ рефлексии и механизм психологической защиты личности. Особенностью иронии является то, что объектом иронии может быть сам иронизирующий (самоирония). Несмотря на кажущийся критический характер, самоирония может иметь очень даже положительное значение (самовосхваление), как, например, в следующем примере сравнения Борисом Джонсоном себя с Черчиллем: *“I have more in common with a three-*

toed sloth or a one-eyed pterodactyl or a Kalamata olive than I have with Winston Churchill”.

Тактика прямой инвективы / откровенного хамства — это вызывающая наглая грубость. Хамство вовсе иррационально, в чистом виде отражается низкий уровень культуры личности. Данная тактика зачастую предполагает использование выражений и высказываний, грубо нарушающих все нормы морали и этикета, граничащие с пошлостью и вульгарностью. Примером может служить высказывание Тони Бэнкса в адрес Маргарет Тэтчер: “*A half-mad old bad lady*”.

Можно полагать, что выделенные нами инвективные тактики в политической коммуникации представляют собой исчерпывающий список инвективных речевых актов, экспансия которых в современную политику формирует доминирующую тенденцию эспрессивизации политического общения. Это позволяет нам заявлять об инвективизации речи в политике и об оправданности выделения инвективной политической стратегии в качестве самостоятельной стратегии в политической коммуникации, отличающейся коммуникативной полифункциональностью и особой экспрессивностью.

Библиографические ссылки

1. Доронина С. В. «Насмешка» в зеркале обыденного метаязыкового сознания // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты : Сб. ст. Томск: ТГПУ, 2009. Ч. 2. С. 202-213.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики в русской речи. 5-е изд. М. : ЛКИ, 2008. 288 с.
3. Козлов Н. И. Психологос. Энциклопедия практической психологии. М. : Эксмо, 2014. 52 с.
4. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. № 5. Сеул, 2000. С. 63-91.
5. Современный толковый словарь русского языка / сост. Т. Е. Ефремова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index.htm> (дата обращения: 10.10.2018).
6. Уланович О. И., Карась О. М. Прагматика сленговых выражений в стилизованной разговорной речи // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежегодной междунар. науч. конф., 30-31 янв. 2015 г., Екатеринбург: в 3 ч. Ч. 1. Екатеринбург : УГПУ, 2015. С. 129-134.